

— Да в своем ли вы уме? — изумился Си Цзяюнь.

Режиссер Гэ, впрочем, лишь отмахнулся — ляпнул не подумав. Объяснив суть изменений в сцене, он повернулся к Си Цзяюню и Мэн Шэн:

— Ну как? Никто не против такой перестановки?

Услышав, что ритуальный танец исполнять больше не придется, Мэн Шэн облегченно вздохнула. Она была готова благодарить всех богов разом:

— Что вы, это же просто идеальное решение! Лучше и не придумаешь!

Вообще-то эта сцена изначально задумывалась как бенефис Мэн Шэн, но с танцами у нее не ладилось настолько, что актриса и сама была рада уступить. Раз уж она не возражала, Си Цзяюню тем более не имело смысла спорить. Он лишь покачал головой:

— У меня тоже нет возражений.

Режиссер Гэ показал Фу Цзя знак «окей» и скомандовал:

— Тогда пятиминутный перерыв, и начнем.

Съемку возобновили не с самого начала, а с того момента, как Мэн Шэн берет ритуальный меч.

Приняв тяжелый духовный клинок из рук коленопреклоненного перед алтарем слуги из клана Фениксов, Мэн Шэн медленно потянула его из ножен.

Теперь, когда ей не нужно было исполнять весь танец от начала до конца, напряжение спало. Повернувшись лицом к объективу, Мэн Шэн сделала несколько простых па, а затем, улучив момент, картинно поскользнулась. Она со стоном повалилась на каменные плиты, и меч с металлическим звоном выскочил из ее рук.

Танцевать она, может, и не умела, зато падать эффектно — вполне.

Стоявшие подле алтаря соплеменники испуганно зашептались и один за другим поднялись с колен.

Мэн Шэн изобразила на лице крайнее смятение. Она попыталась подняться, но едва уперлась в землю, как по лицу ее пробежала тень острой боли. Нахмурившись, актриса обеими руками вцепилась в лодыжку и с беспомощной мольбой взглянула на возвышавшегося над площадью Си Цзяюня.

Вся ее поза выражала отчаяние: нога подвернута, подняться невозможно.

Остальные актеры массовки, игравшие Фениксов, тоже поняли: ритуал нарушен. Они устремили на Мэн Шэн разгневанные, суровые взгляды.

Духовный меч был выкован предками клана, которые принесли свои души в жертву очищающему пламени. Падение святыни на грязную землю само по себе считалось жутким святотатством, а ведь священный танец только-только начался!

Этот танец был не просто представлением, а молитвой о благословении. Оборвать его на полуслове — значило навлечь на племя гнев вышних богов.

Старейшина клана тоже устремил взор на возвышение, где застыл Си Цзяюнь. В отличие от растерянной Мэн Шэн, на его лице читалась целая гамма сложных чувств.

Ведь это их повелитель, Владыка Фениксов, вопреки вековым устоям настоял на том, чтобы обряд проводила безродная павлинья дева.

За тысячи лет священные таинства Фениксов ни разу не осквернялись столь вопиющей оплошностью.

Си Цзяюнь опустил взгляд на площадь. Лицо его оставалось непроницаемым. Он лишь на мгновение замер, а затем с тихим стуком опустил золотой кубок на стол и медленно сошел с высокого помоста.

Ступень за ступенью он спускался вниз. Ветер трепал его распущенные волосы, вздымал полы алого одеяния, расшитого золотом. Под прицелом десятков камер Си Цзяюнь подошел к упавшей актрисе.

Мэн Шэн заговорила — в ее голосе звенело неподдельное раскаяние:

— Владыка, я... прости...

— Пустяки, — негромко отозвался Си Цзяюнь.

Повернувшись к застывшим позади служанкам, он повелел:

— Уведите ее. Пусть отдыхает.

Мэн Шэн тут же бережно подхватили под руки и увели со сцены. Си Цзяюнь же остался стоять посреди площади. Он долго смотрел на лежащий в пыли клинок, а затем, плавно

наклонившись, поднял его за эфес.

— Продолжайте, — сухо бросил он.

Си Цзяюнь перехватил рукоять поудобнее. Его намерение было очевидным.

Он сам доведет ритуал до конца.

Это в корне противоречило древним канонам, но в сравнении с полным крахом церемонии правила казались сущей мелочью. Распорядитель обряда поколебался мгновение, но все же выкрикнул, сиюсь перекрыть гул толпы:

— Музыка! Начать танец!

И Си Цзяюнь сделал первое движение, плавно полоснув клинком воздух.

Хоть режиссер Гэ и съемочная группа уже видели, как Цзяюнь двигается, в этот момент у всех присутствующих перехватило дыхание.

Этот танец предназначался для богов, а потому каждое его па отличалось утонченной эстетикой. О пластике Си Цзяюня не стоило и говорить: он чертил мечом круги с завораживающей точностью и легкостью. Его движения, величественные и вместе с тем обманчиво небрежные, рождали едва слышный свист рассекаемого воздуха. Пышные полы его алых одежд взмывали и опадали в такт шагам, а золотое шитье вспыхивало под софитами, будто клубящиеся облака на закате.

Площадка превратилась в буйство красок и света — зрелище неопишуемой красоты.

Его танец без преувеличения дарил чистое визуальное наслаждение.

Фу Цзя, сидевшая рядом с режиссером перед режиссерскими мониторами, восторженно прошептала:

— Боже, наш Цзяцзя просто сокровище! Готовит потрясающе, играет великолепно, так еще и танцует как бог!

Режиссер Гэ, полностью погруженный в происходящее на экране, лишь шикнул на нее:

— Тише ты, не сбивай.

Фу Цзя шутливо показала кончик языка и послушно замолчала, вновь впериw взгляд в монитор.

Впрочем, не они одни поддались этому очарованию. Все, кто находился на съемочной площадке, застыли, потрясенные величием момента.

Даже Бай Цинчи, который вечно точил на Си Цзяюня зуб, не сумел скрыть восхищения.

«Красиво... До безумия красиво», — невольно подумал он.

Но наваждение быстро рассеялось.

Опомнившись, Бай Цинчи разозлился на самого себя и вновь злобно зыркнул на танцующего соперника. Однако внутренний голос прозвучал на удивление трезво и безжалостно:

«Тебе с ним не сравняться. Никогда».

Еще со времен участия в шоу «Pick Me» он втайне считал Си Цзяюня своим главным соперником. Но только сегодня, после стольких месяцев упорной борьбы, Бай Цинчи с внезапной горечью осознал: есть люди, которые рождаются со звездами во лбу. Им суждено блистать, суждено приковывать к себе взгляды.

Си Цзяюнь был именно таким. Он излучал сияние от природы.

И выиграть у него эту битву было попросту невозможно.

Си Цзяюнь не догадывался о чужих переживаниях, хотя во время танца его мысли на мгновение уплыли совсем в другую сторону.

Взглянув на декорации, на массовку, которая с благоговением склоняла головы перед алтарем, он вспомнил недавнюю шутку режиссера Гэ. Тот просил его заодно нашаманить дождь, чтобы не тратить экранное время на искусственные осадки.

Вся эта сцена и впрямь до жути напоминала шаманский обряд призыва влаги.

Си Цзяюню безумно захотелось рассмеяться.

Но камеры были нацелены прямо на него, поэтому пришлось сохранить серьезную мину. Впрочем, про себя он подумал:

«Если бы сейчас и правда пошел дождь, мы бы закончили пораньше».

Ему действительно захотелось, чтобы небо разверзлось прохладными каплями.

Он продолжал кружиться с мечом, но концентрация немного ослабла, и острое клинка случайно задело пламя ритуальной свечи. Послышался тихий треск, огонек испуганно дрогнул, а тяжелый подсвечник качнулся. Режиссер уже собирался скомандовать «стоп», но в следующую секунду его челюсть буквально отвисла.

Сотни крошечных золотистых искр сорвались с фитиля и веером брызнули в стороны.словно рой послушных светляков или крошечный метеоритный дождь, они закружились в воздухе, подхваченные порывом ветра, и начали мягко огибать фигуру Си Цзяюня. Их мерцание выгодно подчеркивало благородную бледность его кожи и таинственный блеск в глазах.

Сам Си Цзяюнь растерялся.

«Откуда взялись эти искры?..»

Он незаметно отступил на полшага назад.

Но светящийся рой послушно двинулся за ним.

Тогда юноша сделал осторожное круговое движение мечом, рассекая воздух. Искры мгновенно раздробились на мириады пылинок. Они весело заплясали в воздухе, вычерчивая светящиеся траектории, а затем начали медленно угасать и таять без следа.

Си Цзяюнь онемел от удивления.

«Что здесь происходит?»

По сценарию танец подходил к концу, и Си Цзяюнь должен был замереть, уступив сцену работе дождевых машин. К тому же эти странные светящиеся эффекты его изрядно напрягали. Но когда он бросил вопросительный взгляд в сторону режиссерского пульта, Гэ Хэ лишь восторженно замахал руками, беззвучно артикулируя: «Продолжай! Не останавливайся!»

Режиссер не забивал себе голову лишними вопросами.

Он решил, что парень просто виртуозно поддел свечу клинком, выбил сноп искр. Си Цзяюнь слишком часто преподносил съемочной группе невероятные сюрпризы, так что режиссер списал все на его личные таланты и ловкость рук. Выглядел этот трюк потрясающе — даже если его вырежут при монтаже, кадры станут великолепным промо-материалом.

Си Цзяюню оставалось лишь мысленно вздохнуть и продолжить танец.

Спустя пару па в голове у него вдруг прояснилось.

Он ведь уже видел нечто подобное.

Сегодня утром, рядом с Маленьким Фениксом.

Какая-то важная догадка вертелась на краю сознания, но не успел он ухватиться за нее, как раздался едва слышный шлепок, и на лицо упала прохладная капля.

Дождь. Настоящий дождь.

Режиссер Гэ тупо уставился в небо.

— Какого черта... Дождь? Настоящий?!

Фу Цзя заторможенно кивнула:

— Кажется... да, льет.

Они растерянно переглянулись и синхронно повернулись в сторону Си Цзяюня.

Тот и сам на мгновение застыл в замешательстве.

Если бы капли упали до появления загадочных искр, он списал бы все на капризы погоды. Но теперь в душе крепла уверенность: это не совпадение. Танцующее пламя и внезапный ливень напрямую связаны друг с другом.

А точнее — с Маленьким Фениксом.

Нет, пожалуй, не только с ним. Сюда определенно стоило приписать Маленького Циля и Маленького Яцзи. Сама мобильная игра «Приют для божественных зверей» хранила в себе какую-то тайну.

Впрочем, работа была в самом разгаре, и Си Цзяюню пришлось загнать эти мысли поглубже.

Раз уж небо само расщедрилось на осадки, брандспойты съемочной группы можно было не включать.

Согласно измененному сценарию режиссера Гэ, внезапный ливень во время ритуала считался дурным предзнаменованием. Члены клана Фениксов должны были испуганно зашептаться, в то время как Фэн Чао продолжал танцевать под дождем. Этот обряд оставался последней соломинкой для его народа, пускай сам повелитель давно знал страшную правду: боги окончательно отвернулись от них.

Даже Кун Сюань, избранная небом дева, не смогла вымолить пощаду.

Высшие силы больше не желали делиться своим благоволением.

Гибель клана была предreshена.

Дождь хлынул сплошной стеной, ветер хлестал наотмашь, но Си Цзяюнь, стоя на высоком помосте, не дрогнул. Его движения оставались безупречно точными.

Волосы намокли и облепили лицо, роскошное алое одеяние потемнело и потяжелело от влаги. Золотые нити, которыми была вышита парящая птица, потеряли былой блеск, будто неведомая сила безжалостно влекла священного феникса вниз, в дорожную грязь.

— Дождь! Настоящий дождь! Небеса прогневались на нас!

— Что нам делать? Старейшина, как быть?! Клан Драконов сгинул точно так же!

— Если бы не своеобразие нашего Владыки, беды удалось бы избежать!

— Владыка! Владыка!..

Голоса массовки — испуганные, злые, полные затаенной обиды — сливались с шумом ливня. Си Цзяюнь слышал этот гул, но лицо его не выражало никаких эмоций. Он продолжал танцевать. На этом моменте сцена должна была завершиться, но актер не стал опускать клинок.

Режиссер Гэ прекрасно знал, что Си Цзяюнь умеет импровизировать на чистом вдохновении, поэтому не стал кричать «стоп», а лишь плотнее приник к экрану монитора.

Камера крупным планом выхватила Си Цзяюня. Подол его роскошного халата, волочащийся по каменным плитам, промок и потемнел от дождевой воды. Сам юноша промок до нитки; тяжелые капли висели на его ресницах, но в его позе не было ни капли обреченности или жалкости. Его взгляд дышал ледяным презрением.

Никто на площадке не понимал, что он задумал.

Си Цзяюнь медленно, размеренно подошел к алтарю.

Его пальцы намертво сжали рукоять. Взмах — и тяжелое лезвие с размаху обрушилось на жертвенный стол!

«Раз молитвы бесполезны, то и поклоняться здесь больше нечему».

Опустив клинок, Си Цзяюнь вскинул голову. Мокрые черные пряди прилипли к бледным щекам и шее, очерчивая их резкие линии. Промокшие одежды лишились своего яростного огненного оттенка, потемнев до цвета запекшейся крови.

Но в его великолепных глазах не угасал упрямый, безумный вызов.

<http://bllate.org/book/18988/1951728>